

2. Испанские анархисты и международное движение в годы Гражданской войны

Одним из факторов, которые ставили испанских анархистов в невыгодное положение в их конфликте со сталинистами и их союзниками, было отсутствие у НКТ-ФАИ серьёзной поддержки со стороны международного движения. Хотя Национальная конфедерация труда входила в Международную ассоциацию трудящихся (МАТ), эта организация была чрезвычайно слаба по сравнению с Коммунистическим Интернационалом, у которого были секции во всех европейских странах, а также в большинстве американских, во многих азиатских и некоторых африканских, который направлялся и финансировался одной из крупнейших мировых держав – сталинским Советским Союзом.

Первоначально, когда в 1919 г. был образован Коммунистический Интернационал, НКТ решила присоединиться к нему, но впоследствии она пересмотрела это решение и стала одним из членов-учредителей Международной ассоциации трудящихся, созданной в 1922 г. После прихода нацистов к власти в Германии, единственной страной (помимо Испании), где анархисты оказывали влияние на сколько-нибудь значительную профсоюзную организацию, оставалась Швеция. Но даже в Швеции анархо-синдикалистское объединение составляло небольшой процент в рабочем движении страны.

Таким образом, испанские анархисты, в отличие от своих оппонентов сталинистов, не могли использовать информационные и материальные ресурсы своих зарубежных единомышленников. Ещё хуже, с точки зрения испанских анархистов, было то, что многие лидеры либертарных групп за пределами Испании весьма критично относились к их политике компромиссов и идейных уступок во время Гражданской войны. Это резко контрастировало с единодушной поддержкой, которую Коминтерн во всех вопросах оказывал испанским сталинистам и их иностранным советникам.

Приток иностранных анархистов в Испанию

Когда мятежники были разбиты в Каталонии, в основном усилиями анархистов, либертарики из других стран устремились в Барселону, чтобы вступить в милицию НКТ-ФАИ или иначе поддержать ведомую анархистами революцию. Одновременно с этим сочувствующие

иностранцы, находившиеся в стране и за её пределами, стали предлагать НКТ и ФАИ свои услуги.

В моём распоряжении нет информации о том, сколько иностранных добровольцев было в милиции анархистов. Однако мне известно об итальянских антифашистах, которые вскоре после начала войны приехали в Испанию и вступили в колонну Аскасо. Их возглавлял политэмигрант-анархист Камилло Бернери:

“ «Вместе с анархистами прибыли члены Итальянской республиканской партии, “Социалистического республиканского действия”, Максималистской социалистической партии и группы “Справедливость и свобода”, которые, как говорил Бернери, “предпочитали нашу милицию всем остальным, признавая огромную роль испанского анархизма в борьбе против фашизма”. Они приняли крещение огнём в сражении у Монте-Пеладо, возле Уэски, 28 августа 1936 г., но к декабрю Итальянский легион реорганизовался в два батальона – “Маттеотти”, возглавлявшийся братьями Росселли и Луиджи Баттистелли, и Интернациональный батальон, сформированный анархистами вместе с другими добровольцами; оба они оставались частью колонны Аскасо»¹.

17 августа был официально принят Акт о создании Итальянской колонны в Барселоне, подписанный Бернери от имени анархистов, Карло Росселли от «Справедливости и свободы» и Анджелони от Итальянской республиканской партии. Карлос Рама отмечает, основываясь на письмах Бернери, к тому времени ставшего делегатом итальянской анархической секции в Барселоне, своим товарищам на Уэсский фронт:

“ «Мы знаем... что он понимал не только необходимость принимать другие итальянские революционные группы, на принципах равенства и братства, в анархическую Итальянскую секцию, поддерживавшую Итальянскую колонну в колонне Аскасо, но и то, что это являлось своего рода гарантией против восстановления контрреволюционных сил в республиканском лагере...»²

Дэвид Портер предположил, что среди 5 тысяч иностранцев, которые, по данным Хью Томаса, вступили в каталонскую милицию, «без сомнения, большой процент составляли анархисты, особенно из Италии, Германии и Франции... Французские анархисты, например, сформировали центурию “Себастьян Фор” (подразделение примерно в 100 человек), как часть колонны Дуррути на Сарагосском фронте. Хотя неанархисты из интернациональных бригад действительно значительно превосходили их по численности... опыт и вклад этих добровольцев-анархистов несправедливо игнорировались...»³

Видные зарубежные анархисты с первых недель войны совершали визиты в Испанию, чтобы увидеть революцию, которую начали их испанские товарищи, часто чтобы дать им свой совет и, позднее, чтобы их раскритиковать. Среди тех, кто находился в Испании более или менее продолжительное время, были германские анархисты Аугустин Сухи и Рудольф Роккер, австриец Макс Неттлау, русско-американская анархистка Эмма Гольдман, французы

Гастон Леваль и Пьер Бенар.

Хотя позднее мы поговорим о них подробнее, трое из этих иностранных анархистов заслуживают отдельного упоминания. Рудольф Роккер был одной из ведущих фигур в немецком анархическом движении и одним из основателей Международной ассоциацией трудящихся. Во время Гражданской войны Роккер много путешествовал по лоялистской Испании, особенно обращая внимание на сельские коллективы анархистов в Арагоне и других местах; во время войны и после неё он много писал о том, что наблюдал в этих коллективах. После окончания Гражданской войны в Испании Роккер переехал в Соединённые Штаты, где прожил остаток своей жизни.

Аугустин Сухи также являлся известным немецким анархистом. Он находился в Испании значительную часть Гражданской войны и много писал о сельских коллективах и майских событиях 1937 г. Много лет спустя, после смерти Франко, он вернулся в Испанию с германской съёмочной группой, чтобы сохранить память о событиях Гражданской войны.

Гастон Леваль имел давние связи с испанским анархизмом. Во время Первой мировой войны и сразу после неё он был одним из вторичных лидеров НКТ. Он сопровождал Анхеля Пестанью во время поездки в Москву для решения вопроса о вступлении НКТ во вновь созданный Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн). Когда они вернулись в Испанию, они рекомендовали НКТ не присоединяться к Профинтерну, а вместо этого участвовать в конгрессе анархо-синдикалистских организаций в Берлине в 1922 г., на котором была создана Международная ассоциация трудящихся. Позднее, из-за преследований французской и испанской полиции, Леваль уехал в Аргентину, где он также активно участвовал в анархическом движении.

Леваль вновь приехал в Испанию через несколько месяцев после начала Гражданской войны. Как и Роккер, он много путешествовал по Республике, наблюдал сельские и городские коллективы и подробно писал о них. После окончания войны он вернулся во Францию, где продолжал рассказывать о том, что делали испанские анархисты⁴.

Многие иностранные анархисты и сочувствующие сотрудничали с информационным и пропагандистским аппаратом, созданным НКТ-ФАИ вскоре после начала Гражданской войны. Отдел иностранной пропаганды был создан в Барселоне 23 июля 1936 г. Он немедленно начал издавать бюллетени на разных языках и газету «Антифашистская Испания» (*L'Espagne Antifasciste*) в Париже⁵.

Деятельность МАТ в Барселоне

Пленум МАТ в ноябре 1936 г. решил, согласно Гельмуту Рюдигеру, что «пропаганда за НКТ-ФАИ должна контролироваться МАТ», и это «было принято с одобрения НКТ».

“ «Пропаганда, конечно, оставалась бы в руках НКТ-ФАИ и отвечала бы потребностям этих двух организаций. Но решение относилось к

организованной пропаганде, приспособленной МАТ к условиям каждой страны. Мир должен был получить впечатление, что между НКТ и международным анархо-синдикализмом существует глубокое и реальное сотрудничество».

Во исполнение этого решения в январе 1937 г. Рюдигер создал в Барселоне Постоянную делегацию МАТ, «общий орган для всех представителей секций МАТ, находящихся в Испании»⁶. Делегация «состояла из одного делегата от польской секции, одного от французской (РСВКТ) и одного от шведской (САК) с мандатами, полученными напрямую от их организаций. Кроме того, участвовали представители подпольных движений, немцы и итальянцы, от соответствующих групп в Барселоне и, разумеется, один делегат от НКТ. Позднее у нас появилась возможность пополнить орган тремя-четырьмя дополнительными делегатами, но к тому времени было уже слишком поздно, поскольку НКТ-ФАИ уже сделала невыполнимой нашу идею о федералистской и коллективной организации её иностранной пропаганды»⁷.

Эта система сотрудничества между представителями МАТ и испанскими анархистами быстро потерпела неудачу. Гельмут Рюдигер позднее писал, что дела шли неважно не столько из-за позиции Национального комитета НКТ, сколько из-за «систематической работы по саботажу, которая была начата Полуостровным комитетом ФАИ с того самого дня, когда Аугустин Сухи стал членом этого комитета». Рюдигер добавлял: «Между прочим, было довольно неожиданно, что именно он станет советником анархической организации». (Между этими двумя анархистами были натянутые отношения ещё до Гражданской войны в Испании.)

Сухи был избран ответственным за иностранную пропаганду НКТ-ФАИ и, по словам Рюдигера, также принял «те функции, которые возлагались на МАТ. Он делал это с таким экстремизмом, что в НКТ распространилось убеждение, будто он является секретарём МАТ». Чтобы урегулировать эту ситуацию, представители МАТ предложили включить делегата от ФАИ в Постоянную делегацию МАТ. Однако «ФАИ отказалась, утверждая, что МАТ не должна захватывать контроль над её иностранной пропагандой. Под давлением Полуостровного комитета ФАИ Национальный комитет НКТ 10 апреля аннулировал свои прежние решения и принял новые».

Согласно новой договорённости, «представитель ФАИ Мартин Гуделл, помощниками которого стали делегат НКТ Кортес и секретарь МАТ, был назначен директором и секретарём иностранной пропаганды. Постоянная делегация оставалась просто редакционной коллегией бюллетеня, получавшей и исполнявшей распоряжения, а не органом аккредитованных товарищей из иностранных секций МАТ, каким она должна была являться... Это породило недоверие и затруднило всю работу»⁸.

Объяснение этой проблемы испанскими анархистами значительно отличалось. НКТ утверждала, что секретарь МАТ (видимо, Рюдигер) добивался своего назначения на должность секретаря по иностранной пропаганде НКТ-ФАИ, на что испанцы не согласились. В итоге испанские анархисты, по их словам, организовали секретариат иностранной пропаганды, состоявший из одного представителя НКТ, одного ФАИ и одного назначенного

Испанским секретариатом МАТ9. К тому времени, из-за всё более острой критики в адрес испанских анархистов, НКТ прекратила финансирование газеты «Антифашистская Испания»¹⁰.

Те, кто работал в секретариате иностранной пропаганды, не всегда сами были анархистами. К примеру, молодой чешский инженер, владевший несколькими языками, который работал на одной из каталонских шахт с 1933 г., вскоре после начала войны пришёл работать в секретариат. Он поступил так из сочувствия к анархическому движению, несмотря на то, что он был уволен со своей шахты, когда члены НКТ захватили предприятие. Он прослушивал иностранные радиопередачи, читал немецкие, английские и итальянские газеты и составлял сводки того, что говорилось в них о Гражданской войне¹¹.

Гельмут Рюдигер отмечал некоторые недостатки в иностранной пропаганде НКТ-ФАИ:

“ «Это пропаганда первых месяцев поддалась излишнему оптимизму, и сложность проблем, как социальных, так и военных, не была принята во внимание. Кроме того, информация ограничивалась почти исключительно Каталонией, где считали, что победа уже в кармане. Всё это заставляло иностранных товарищей думать, что социальная революция продвинулась гораздо дальше, чем было в действительности. Внутренняя пропаганда НКТ допускала ту же самую ошибку, за которую нам теперь приходится дорого расплачиваться»¹².

Отношения с Пьером Бенаром

Уже в начале войны у лидера НКТ Хуана Гарсии Оливера произошёл неприятный инцидент с французом Пьером Бенаром, который являлся генеральным секретарём Международной ассоциации трудящихся. Первый раз он приехал в Барселону, когда во главе Каталонии стоял Комитет антифашистской милиции. Гарсия Оливер, отвечавший тогда за оборону, принял его как гостя, предоставил автомобиль и шофёра, поселил в одной из комнат штаб-квартиры Комитета милиции и обеспечил испанской валютой. Однако Бенар вернулся во Францию, так и не рассказав о цели своего визита.

Бенар вновь приехал в Барселону через пару месяцев, когда НКТ уже вошла в Каталонское правительство и Гарсия Оливер стал субсекретарём обороны Хенерадилада. Его сопровождал человек, которого он представил как представителя известного торговца оружием Василия Захароффа. Гарсия Оливер сообщил, что в данный момент каталонские войска больше всего нуждаются в бездымном порохе, и от лица каталонского правительства заявил, что с радостью оплатит наличными любое количество такого пороха, если его доставят на границу или в один из каталонских портов. Однако «представитель Захароффа», пишет Гарсия Оливер, «рассказал мне о большом количестве своего оружия, которое он мог предложить мне, от пистолетов до танков и кораблей. Вдобавок, он предлагал мне аппарат недавнего изобретения, который испускал некие лучи, останавливавшие двигатели самолётов в воздухе...»

Гарсия Оливер решил, что представитель Захароффа является мошенником. Бенар устроил этому человеку встречу с Дуррути, который привёл его к каталонскому премьер-советнику Таррадельясу, и тот назначил ещё одну встречу с участием Гарсии Оливера. Таррадельяс заявил, что готов оплатить поставку бездымного пороха наличными по получении, Бенар и Дуррути убеждали его согласиться с условиями представителя и выплатить треть авансом. Тогда Таррадельяс по-каталански спросил Гарсию Оливера: «Что нам делать?» – и тот ответил, также по-каталански: «Ни сантимата».

По словам Гарсии Оливера, после окончания встречи Дуррути вернулся на фронт, а Пьер Бенар уехал во Францию, не прощаясь¹³.

Роль Гельмута Рюдигера

Особую роль в отношениях между испанскими анархистами и международным движением играл немецкий анархист Гельмут Рюдигер. Значительную часть войны он являлся помощником секретаря МАТ по испанским делам и провёл в Испании много времени. 1 мая 1937 г. он выступал с поздравлением на радио НКТ-ФАИ в Барселоне¹⁴. Он также присутствовал практически на всех пленумах Национального комитета НКТ «и на многих каталонских региональных». В мае 1937 г. он представил Национальному и Региональному комитету доклады о «нашем участии в международной пропаганде и о международном положении движения»¹⁵.

Рюдигер был решительным, хотя и критически настроенным, сторонником испанских анархистов. Он защищал их перед лицом тех элементов международного анархического движения, которые резко осуждали политику НКТ-ФАИ во время Гражданской войны. Однако в то же время он довольно критически относился к некоторым действиям и позициям испанцев.

Рюдигер выступил с обширным докладом на Чрезвычайном конгрессе МАТ в Париже в декабре 1937 г. Этот документ начинался с примечания: «Внимание: данная информация не предназначена для публикации, даже частично. Она служит лишь внутренним материалом для обсуждения движением». Тем не менее испанские анархисты вскоре издали в виде брошюры длинные выдержки из доклада Рюдигера, особенно те части, которые показывали их в благоприятном свете.

Рюдигер был особенно обеспокоен публичными нападениями на испанских анархистов со стороны их иностранных товарищей:

“ «Критика НКТ иностранными секциями была явной на пленуме МАТ в ноябре прошлого года и также на последнем пленуме 11 июня этого года. Особенно она заметна со стороны французской секции МАТ, которая склоняется к экстремизму и ведёт публичную кампанию против лидеров НКТ, обвиняемых в предательстве революции. Они не видят, что НКТ ведёт невероятную борьбу за жизнь и смерть, они всё ещё продолжают свою борьбу против НКТ,

открытую глазам и ушам всего мира, что вредит авторитету нашего международного движения... Публичные дискуссии последних недель велись в язвительном тоне на таком низком уровне, с такой необъективностью и в таких личных выражениях, что настал момент, когда мы должны уяснить себе опасность и последствия, к которым мы придём, если продолжим следовать этим путём. Мы должны положить конец этим действиям везде, где они совершаются. Я считаю, что в них повинны обе стороны»¹⁶.

Документ Рюдигера очерчивал эволюцию НКТ в десятилетия, предшествовавшие Гражданской войне, и защищал решение испанских анархистов сотрудничать с другими элементами, защищавшими Республику от военных мятежников, которых возглавил генерал Франсиско Франко. Он замечал:

“ «Разумеется, движение могло предпринять попытку тотальной реализации своих целей, по крайней мере в Каталонии. Но это по сути стало бы двойным убийством: героическим самоубийством НКТ и передачей целого народа в руки головореза Франко»¹⁷.

Рюдигер особенно предостерегал против попыток чистых анархистов за границей расколоть испанских либертариев:

“ «Была дискуссия об оппозиции в НКТ, как будто это была организация, способная даже сформировать новую центральную профсоюзную группу, связанную с МАТ, в Испании, в случае, если НКТ отойдёт от МАТ. Эта деталь доказывает, что некоторые товарищи извне имеют совершенно ошибочное представление об испанских реалиях, а также о миссии МАТ в настоящее время. Фактически это выглядит так, словно определённые анархические элементы за рубежом хотят раскола НКТ и способствуют ему...»¹⁸

В своём докладе Рюдигер отмечает недостаток определённости в попытках НКТ реорганизовать экономику. Это было особенно верным в отношении проблемы мелкой буржуазии:

“ «Каковы будут экономические отношения между рабочим синдикатом, который управляет крупным производством и крупной торговлей, и тем сектором экономики, который находится в руках мелких собственников, у которых трудятся несколько работников или только члены их семьи? Какую конкретную форму примет экономическая система, основанная на этих двух факторах? Какие средства следует использовать, чтобы заставить мелкого буржуа работать при новом порядке, если он не делает этого добровольно или начинает саботировать?»

Нужно сказать, что многие анархисты, пытаясь ответить на эти вопросы, рассуждают так, словно мир всё ещё пребывает в Средневековье... Мы откровенно говорим, что у НКТ нет программы на этот счёт; но мы с такой же откровенностью признаём, что во всех остальных секциях МАТ также не существует какой-либо ясности в этом отношении»¹⁹.

Большое раздражение у Рюдигера вызывало то, что он расценивал как бесосновательную критику испанских анархистов:

“ «Для меня полностью непостижимо то, что в определённых изданиях МАТ пишут против НКТ и перечисляют, неделю за неделей, действительные или мнимые недостатки испанского движения, как будто настали счастливые времена и у нас нет других забот, кроме как выяснять, кто является идеологически наиболее чистым»²⁰.

“ «Задача создания истинной и связной революционной теории международного анархо-синдикализма, в рамках которой все будут работать, в данных обстоятельствах весьма трудна, и работа такого рода требует крепкого товарищества, большого такта и добросовестного анализа окружающих нас реалий и испанского опыта. Как позорно в такие моменты выдвигать перед публикой обвинения против товарищей, которые вообще находятся в гораздо более опасной ситуации, чем автор статьи!..

Я думаю, что будет необходимо рассмотреть, совместно с НКТ, наши старые принципы, чтобы достичь согласия насчёт них и получить чёткое представление о позиции, которую занимает каждая из секций. Но после того, как мы наладим общие связи, в которых все могут и хотят работать, будет необходимо провести некоторые изменения в уставе МАТ, определив на дальнейшее время границы свободы в выборе тактических методов для каждой секции»²¹.

Рюдигер особенно негативно воспринимал то, что иностранные анархисты критиковали решение испанцев сотрудничать с другими политическими группами в революции и гражданской войне:

“ «В тот момент было только два пути: либо диктатура, либо сотрудничество... Многие товарищи, ослеплённые ненавистью к нашим противникам, желают устранить и уничтожить всех, кто не входит в нашу организацию и не подчиняется ей. Хотя это объяснимо как психологическая реакция на преследования, которым мы подвергаемся, чувства мести и ненависти не могут проложить дорогу к социальному преобразованию. Удовлетворение этих инстинктов превратило бы нас в диктаторов, не более того»²².

Рюдигер также защищал решение испанских анархистов о милитаризации милиции:

“ «Наш антимилитаризм был основан на вере, что вооружённое восстание будет носить более или менее партизанский характер и продолжаться сравнительно короткий период. Но в Испании антифашистская борьба переросла в войну. Современное вооружение имеет свою логику. Оно требует определённых форм организации, которые позволяют использовать его эффективно... Профсоюзная жизнь основана на решениях общих собраний, война – на командовании и подчинении... Милитаризация колонн была необходимой... Вместо слепого отрицания того, что неизбежно, мы должны сделать всё возможное в наших же собственных интересах...»23

Критика испанских анархистов Рюдигером

Однако, хотя в докладе на Чрезвычайном конгрессе МАТ Гельмут Рюдигер в целом поддержал позицию, занятую испанскими анархистами во время Гражданской войны, у него были собственные критические замечания по поводу их поведения, особенно в отношениях с иностранными товарищами. Некоторых из этих замечаний он включил в свой доклад.

Как мы уже отмечал, Рюдигер критически относился к нежеланию НКТ-ФАИ координировать через МАТ свою иностранную пропаганду. Он считал, что эти проблемы отражают общую изоляционистскую тенденцию среди испанских анархистов:

“ «В испанском движении есть небольшой избыток национальной исключительности, которая на деле нанесла большой вред. В других странах и движениях иностранных товарищей приветствовали с энтузиазмом... В Испании положение иностранных товарищей сильно отличалось»24.

В связи с этим Рюдигер отмечал желание части испанских анархистов доминировать в международном анархическом движении:

“ «Мы всегда боролись против III Интернационала, говоря, что его секции – не независимые революционные организации, а иностранные легионы Москвы, инструменты российской внешней политики. НКТ борется в Испании против партии, которая с каждым днём увеличивает своё влияние и пытается поставить иностранный штамп на политической жизни страны. НКТ правильно говорит, что это противоречит интересам испанского пролетариата.

Но возможно, НКТ хочет, чтобы МАТ не была ничем иным, кроме как иностранным инструментом для отстаивания интересов НКТ? Нет, МАТ должна состоять из автономных секций, каждая из которых делает всё что может, чтобы породить революционный дух в собственной стране... Пролетариат в этих странах тысячу раз был одурачен и разочарован империалистическим “интернационализмом” Москвы. Мы должны избежать того, чтобы это повторилось от имени НКТ...»

Немецкий анархист также упрекнул своих испанских товарищей за недостаточное информирование их зарубежных коллег:

“ «Именно НКТ должна снабжать иностранных товарищей аргументами, материалами и документами... а также удостовериться в том, что товарищи располагают верной информацией. НКТ должна показать миру не только то, что она верна своей прежней позиции, но и то, что её тактика и действия преследуют цели, которые согласуются с нашими конечными целями»25.

Рюдигер критиковал ещё один аспект отношений испанских анархистов с неиспанскими – отсутствие поддержки тех иностранных товарищей, которые подверглись преследованию или высылке после Майских дней:

“ «Пока было время, ничего не сделали для того, чтобы дать этим товарищам испанское гражданство, и когда после Майских дней преследования резко усилились, они оказались полностью беззащитными и были оставлены в беде... Среди этих товарищей и среди иностранных товарищей вообще бытует мнение, что НКТ бросила своих заключённых – по крайней мере иностранных. Арестованные поумисты в Барселоне ежедневно получают еду от своей организации, тогда как арестованные из НКТ остались без какой-либо помощи. Зарубежные троцкисты используют этот факт в своей критике НКТ. НКТ должна понять, что при таком поведении ей будет сложно защитить свою репутацию в глазах мирового пролетариата»26.

Рюдигер также подвергал критике отношения, развившиеся между испанскими анархистами и неанархическими элементами в других странах:

“ «НКТ ищет моральную и материальную поддержку; следовательно, в интересах движения – устанавливать как можно больше контактов за рубежом и использовать их с этой целью. По моему мнению, это понятно и даже необходимо для НКТ, но я хочу указать на то, что испанское движение должно заниматься этим правильно, если она хочет получить реальную помощь из других стран. Эта помощь может прийти к НКТ только за счёт укрепления, развития и создания независимых анархо-синдикалистских движений во всех странах, в соответствии с принципами МАТ. НКТ не должна думать, что она может создать сеть международных связей за

пределами МАТ и обойти существующий анархо-синдикалистский интернационал».

Рюдигер предупреждал об опасности контактов с троцкистами и другими марксистскими группами, оппозиционными Коммунистическому Интернационалу: «Некоторые марксистские партии в оппозиции проявляют интерес к НКТ по той простой причине, что они считают возможным изменить направление НКТ и сделать её носителем своих идей, более или менее большевистских. НКТ должна остерегаться дружбы с голландской троцкистской партией или английской Независимой рабочей партией. Искушённые марксистские вожди, руководящие этими партиями, гораздо более умные политики, чем НКТ! Это будет катастрофой для НКТ и нашего интернационального движения, если они приобретут влияние на НКТ и начнут её эксплуатировать»²⁷.

Наконец, Рюдигер видел проблемы во внутрииспанской пропаганде, которая, по его мнению, не согласовывалась с либертарными идеями. Он осуждал «глупую и экзальтированную пропаганду за СССР, которую вела “Рабочая солидарность”, когда прибыло первое русское судно с продовольствием. Она продолжалась и зашла дальше, чем требует политическая ситуация. В “Морском ежедневнике” (Diaria de la Marina), газете портовых рабочих и моряков НКТ в Барселоне, 1 августа была опубликована статья “Мы должны помнить Ленина”. Эта статья не только нетерпима в свете идей, которые мы защищаем, но также идиотская во всех возможных отношениях».

Не одобрял он и отношение испанских анархистов к Мексике, единственной стране, кроме Советского Союза, которая помогала делу лоялистов. Он отмечал статью в «Рабочей солидарности», которая, по словам Рюдигера, изображала Мексику «идеальной демократией. Весь народ с энтузиазмом следует за своим лидером, генералом Карденасом. Национально-революционной партии принадлежит главная заслуга в этом чуде и т.д. Какое отношение этот идиотизм имеет к нашим идеям?.. Политическая ситуация не должна доводить нас до того, чтобы приносить в жертву свои взгляды, до идиотского прославления политических партий, одобрения авторитаризма и осквернения наших собственных идей»²⁸.

Различия в позиции иностранных анархистов

Реакция иностранных анархистов на то, что происходило в Испании, существенно различалась от человека к человеку и от группы к группе. Оценки варьировались от почти полного одобрения того, что делала НКТ-ФАИ, до обвинения испанских анархистов в измене своим собственным идеям и международному анархическому движению.

Хуан Гарсия Оливер обрисовал ситуацию с заграничной критикой в их адрес:

«Ядовитая пропаганда против испанских анархо-синдикалистов... исходила не только от правых, которые действовали во Франции и яростно боролись против нас, но и от французских анархических, синдикалистских и анархо-синдикалистских групп и группок, которые беспощадно набрасывались на нас за наше участие в правительствах Каталонии и республиканской зоны. Только группа “Либертарий” (Le Libertaire), включавшая Себастьяна Фора, Лекуана, Одеона и некоторых других, не сражалась с нами. Они не были полностью согласны с нашей позицией. Они терпели её и соблюдали корректность в своих комментариях»²⁹.

Алиса Уэкслер несколько иначе характеризует истоки и степень кампании иностранных анархистов против поведения НКТ-ФАИ в Гражданской войне: «Русские анархисты-эмигранты в Париже и другие элементы, связанные с МАТ, долгое время поддерживали шквал критики против НКТ-ФАИ за её политику сотрудничества с республиканским правительством... Кроме того, анархисты-антимилитаристы в Голландии осуждали применение испанцами оружия, хотя они оказывали гуманитарную помощь, а некоторые американские товарищи угрожали развязать кампанию против “отступничества” лидеров НКТ-ФАИ»³⁰.

Однако были и другие иностранные анархисты, которые поддерживали своих испанских товарищей и их действия во время Гражданской войны. Мы уже отмечали поддержку, которую оказывал НКТ-ФАИ Гельмут Рюдигер в её спорах с оппонентами внутри МАТ.

Макс Неттлау, известный австрийский анархист, очевидно, был международным деятелем, оказывавшим самую некритическую поддержку своим испанским товарищам. Федерика Монсень спустя много лет вспоминала:

“ «Для Неттлау одолеть фашизм было чем-то настолько великим, настолько несравнимым в этом поверженном и трусливом мире, что только это одно было для него высшей ценностью. Он даже боялся за нас, боялся, что желание продвинуть революцию слишком далеко в конечном счёте окажется роковым для нас...»³¹

В другом месте Федерика Монсень писала о Неттлау: «Он был самый безоговорочный, самый страстный из наших друзей. Тот, кто никогда не спорил с нами, кто всегда защищал нас, даже когда мы делали вещи, заслуживавшие осуждения; кто на все критические замечания выдвигал один и тот же аргумент: “Мы не должны их критиковать, мы должны им помочь”»³².

Эмма Гольдман, русско-американская анархистка, которая сама была критическим сторонником испанских либертариёв, испытывала сомнения насчёт степени поддержки, которую оказывал им Макс Неттлау. Она писала своему другу, британскому анархисту Тому Беллу:

«Что касается Неттлау, то, я боюсь, он немного не в себе; он просто не может выразить ни малейшей оппозиции лидерам НКТ-ФАИ. Когда-то он, так же как и ты, высказывался за абсолютную свободу, которую должны практиковать анархисты, и против любых компромиссов с нашей стороны. Сегодня он одобряет все компромиссы. Он превратился в настоящего ревнителя, который готов сжечь каждого еретика у позорного столба. Он ненавидит нас, потому что мы не на 100 процентов одобряем всё, что сделано Монсень и Оливером...»³³

Наряду с Эммой Гольдман были другие критические сторонники – люди, которые не соглашались со всеми политическими решениями испанского анархического руководства, но тем не менее считали, что достижения испанской революции, необходимость выиграть гражданскую войну против сил Франко и принцип солидарности международного анархического движения достаточно важны, чтобы отказаться от открытой критики испанских анархистов, ослаблявшей их позиции во внутривнутриполитической борьбе в Республике. Среди них был Гастон Леваль.

Некоторые иностранные анархисты оказывали своим испанским коллегам скромную материальную помощь. Это в первую очередь относилось к шведской секции МАТ. Эмма Гольдман отмечала, что САК, насчитывавшая только 32 тысячи членов, собрала для НКТ 200 тысяч шведских крон (приблизительно 90 740 долларов)³⁴.

Роль Эммы Гольдман

После начала Гражданской войны НКТ-ФАИ создала отделения пропаганды в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Кроме того, она делегировала одного представителя в Мексику и одного в Уругвай, отправила трёх товарищей в пропагандистский тур по Центральной и Северной Америке и финансировала издательство в Аргентине³⁵.

Именно Эмме Гольдман НКТ-ФАИ поручила открыть официальное отделение пропаганды в Лондоне, после её первой поездки в революционную Испанию в октябре – декабре 1936 г. Препятствием была небольшая численность анархического движения в Великобритании, которое, по данным Алисы Уэкслер, насчитывало, «возможно, две или три сотни активистов». Гольдман пыталась организовать в Лондоне анархо-синдикалистский союз, но, хотя его еженедельные собрания «часто привлекали большую толпу», в нём никогда не было больше двадцати членов.

Алиса Уэкслер описывает деятельность Эммы Гольдман:

“ «Ей удалось провести серию митингов, посвящённых Испании, в январе – феврале 1937 г., которые принесли на удивление большой успех, с точки зрения публичного освещения, количества присутствовавших и собранных средств. Она также выступала за пределами Лондона, совершив поездки в Южный Уэльс, Плимут, Бристоль и Глазго, чтобы создать местные комитеты

поддержки НКТ-ФАИ. В течение войны её митинги привлекали большие восторженные толпы по семьсот-восемьсот человек... По британским меркам это был заметный успех. К концу февраля 1937 г. ей удалось собрать 1 175 фунтов – в то время эквивалент примерно 5 000 долларов – для женщин и детей, эвакуированных из Мадрида (многие из них оказались в Барселоне), и ещё около 100 фунтов за следующие несколько недель»³⁶.

Эмма Гольдман также работала со студентом Верноном Ричардсом, издававшим двухнедельную газету «Испания и мир» (Spain and the World). Газета имела тираж около 2 000 экземпляров и «давала информацию об анархической Испании, которую трудно было получить откуда-либо ещё в Англии». Хотя её личные отношения с Ричардсом не всегда были гладкими, она писала статьи для его газеты, убедила Герберта Рида, анархического поэта и критика, делать то же самое и уговорила руководство НКТ-ФАИ субсидировать издание.

Помимо анархистов она тесно сотрудничала с лидерами Независимой рабочей партии (в то время являвшейся британским аналогом ПОУМ), особенно с её генсеком Феннером Брокуэем³⁷.

Эмма Гольдман продолжала свою деятельность в поддержку испанских анархистов до конца 1938 г. Среди прочего, она устроила участие анархистов в первомайском параде 1938 г., выступала в Уголке ораторов Гайд-парка и организовала выставку рисунков каталонских детей. Она также пыталась создать в Великобритании отделение гуманитарной анархической организации «Международная антифашистская солидарность», однако, хотя ей удалось привлечь в качестве официальных сотрудников таких людей, как Джордж Оруэлл, Хэвлок Эллис, Ребекка Уэст, Лоренс Хаусмен и Джон Купер Поуис, работа продвигалась не слишком успешно³⁸.

Через Эмму Гольдман испанские анархисты передавали свои сообщения англоязычному миру, когда представлялась такая возможность. Так, вскоре после Майских дней она написала длинное письмо в газету «The New York Times», которая называла анархистов ответственными за эти трагические события, и ясно дала понять, что барселонский кризис был спровоцирован «коммунистическим идолом и его приспешниками». Испанские анархисты опубликовали это письмо в полном объёме³⁹.

Эмма Гольдман испытывала серьёзные сомнения по поводу некоторых действий испанских анархистов и считала, что они не оказывают достаточного отпора преследованиям коммунистов. Однажды она обменялась письмами с Мариано Васкесом, секретарём Национального комитета НКТ, и Педро Эррерой из ФАИ, которые возражали против некоторых её статей с осуждением сталинистов, считая такие статьи неуместными для официального представителя НКТ и ФАИ⁴⁰. Однако она никогда не выражала своих сомнений в политике испанских анархистов на публике.

Гольдман присутствовала на конгрессе МАТ в Париже в декабре 1937 г., на котором обсуждался испанский вопрос. Она приехала на него, чтобы помочь испанским представителям изложить свою позицию перед движением. Выдержки из её выступления

дают представление о поддержке, которую она оказывала испанским анархистам:

“ «Я склонна считать, что критики в наших рядах за пределами Испании были бы менее решительными в своих оценках, если бы они, как я, стояли ближе к этой смертельной борьбе НКТ-ФАИ, – но это не значит, что я несогласна с их критикой. Я думаю, что они на 95 процентов правы. Несмотря на всё, я настаиваю, что независимое мышление и право на критику всегда были для нас, анархистов, предметом величайшей гордости и, более того, оплотом анархизма. Проблема наших испанских товарищей в том, что они отличаются чувствительностью к критике или даже советам любого товарища из-за границы. Но здесь им следовало бы понять, что критика вызвана не злым умыслом, а глубоким беспокойством за судьбу НКТ-ФАИ»⁴¹.

Затем Эмма Гольдман высказала, по крайней мере косвенно, свои сомнения относительно политики испанских анархистов:

“ «Испанское анархо-синдикалистское и анархическое движение до недавнего времени выступало за самое смелое осуществление всех наших мечтаний и надежд. Поэтому я не могу винить тех наших товарищей, которые видят в компромиссах испанских анархистов отказ от всего, чего они придерживались почти семьдесят лет. Естественно, у некоторых товарищей возникли опасения, и они стали кричать о том, что НКТ-ФАИ ступает на скользкую дорожку. Я знаю этих товарищей долгие годы. Они входят в число моих самых дорогих друзей. Я знаю, что столь критичными их делает революционная последовательность, а не какой-то скрытый мотив. Если бы наши испанские товарищи смогли понять это, они не проявляли бы такого возмущения, считая критиков своими врагами».

Но ещё более настойчиво она убеждала критиков испанских анархистов:

“ «Однако я боюсь, что критики также сильно ошибаются. Они не менее догматичны, чем испанские товарищи. Они безоговорочно осуждают каждый шаг, предпринятый в Испании. В своём сектантском отношении они упускают из виду побудительные мотивы, которые в наше время принимаются во внимание даже буржуазными судами. И всё же остаётся фактом, что никто не может судить человеческие поступки, пока не установит стоящие за ними мотивы.

Когда я указывала на это нашим товарищам-критикам, они утверждали, что Ленин и его партия также руководствовались лучшими намерениями и “посмотрите, во что они превратили революцию”. Я не могу увидеть даже самого отдалённого сходства. Ленин создал необъятную государственную машину, смертоносную диктатуру. С самого начала это обрекало на смерть

Российскую революцию – в то время как НКТ-ФАИ не только стремилась к либертарным экономическим преобразованиям, но и фактически проводила их в жизнь. С того самого момента, когда они изгнали фашистов и милитаристов из Каталонии, эта геркулесова задача никогда не оставлялась без внимания. Прделанная работа, учитывая труднопреодолимые препятствия, была исключительной».

Наконец, Эмма Гольдман сделала особое обращение для русских анархистов:

“ «Довольно странно, что те самые товарищи, которые во время гражданской войны в России объясняли каждый шаг диктатуры “революционной необходимостью”, теперь являются самыми непреклонными оппонентами НКТ-ФАИ. “Мы извлекли урок из Российской революции”, – говорят они. Но поскольку никто ничему не учится на опыте других, мы должны, нравится это нам или нет, дать нашим испанским товарищам найти своё направление через свой собственный опыт. Очевидно, что наша плоть и кровь не меньше заслуживает той терпеливой помощи и солидарности, которую некоторые из нас великодушно оказывали нашим заклятым врагам, коммунистам»⁴².

Эмма Гольдман также присутствовала на Национальном пленуме региональных организаций Либертарного движения в Барселоне в октябре 1938 г., который фактически стал последним общенациональным форумом анархистов во время Гражданской войны. Хотя в личных беседах с участниками пленума она сочувствовала критике ФАИ в отношении Национального комитета НКТ, она не высказывалась по этому поводу публично⁴³.

Поездка Гарсии Оливера и Монсень во Францию в июне 1937 г.

В конце июня 1937 г. представительство НКТ-ФАИ в Париже решило провести массовый митинг на спортивной арене «Вель д’Ив». Ставилась задача разъяснить позицию испанских анархистов не только широкой публике, но также французским и другим анархистам, находившимся в Париже. На митинг в качестве основных ораторов были приглашены Хуан Гарсия Оливер, Федерика Монсень, Бенито Павон и Давид Антона.

Если верить Гарсии Оливеру, выступление испанцев на этом митинге стало разочарованием. Прежде всего, двое из ораторов, Павон и Антона, не знали французского, и их речи на испанском, хотя и сопровождались «вежливыми аплодисментами», явно не были понятны большинству присутствующих.

Однако «Федерику и меня, говоривших по-французски – слишком плохо для полной уверенности, – пытались сбить с толку оскорбительными прерываниями. Им это не удалось, и мы оба в деталях рассказали о нехватке международной помощи, которую мы испытывали с начала борьбы в Испании. Мы не говорили ни о материальной помощи, ни о бойцах, только

о полном отсутствии энергичных международных действий в поддержку испанского антифашистского дела, с митингами солидарности, демонстрациями протеста, стачками в портах и на транспорте. Хорошо ли, плохо ли, нам удалось сорвать планы тех, кто пришёл помешать митингу, и донести свой голос».

Гарсия Оливер характеризует отношение, с которым сталкивались испанские анархисты за границей: «Профашисты нападали на нас и оскорбляли нас. Прокоммунисты нападали на нас и оскорбляли нас. Поклонники буржуазного режима боролись против нас. И нас атаковали, оскорбляли, чернили члены великого множества анархических группок. Кто же защищал нас?»⁴⁴

Вскоре после поездки Гарсии Оливера и Монсень в Париж Мариано Васкес, секретарь Национального комитета НКТ, выпустил обращение «Об отношении испанского анархизма к его недоброжелателям», предназначенное для иностранных анархистов – критиков НКТ-ФАИ. Помимо прочего, он писал:

“ «...Вы, кто говорит о наших компромиссах и нарушении принципов, должны раз и навсегда понять, что испанские анархисты не виноваты в том, что не существует международного анархического или анархо-синдикалистского движения, способного дать нам поддержку, в которой мы нуждаемся. Оставьте нас в покое, друзья, и позвольте нам идти своим путём. Проявите немного доверия к нам, кто был душой международного анархизма; кто вёл нескончаемую борьбу против государства; кто не может быть под подозрением, если вспомнить о нашей прошлой борьбе и жертвах»⁴⁵.

Декабрьский конгресс МАТ 1937 года

Визит четырёх лидеров испанских анархистов в Париж в июне 1937 г. также должен был подготовить почву для конгресса Международной ассоциации трудящихся, прошедшего здесь же в декабре того же года. Испанский вопрос был главной темой в повестке этого конгресса.

Испанские анархисты подготовили для этого конгресса обширный доклад, который не только излагал историю испанского анархизма, но и подробно объяснял проблемы и политику испанского движения во время Гражданской войны.

Документ начинался с обсуждения Испанской региональной рабочей федерации, современницы Первого Интернационала, и затем рассматривал эволюцию испанского анархического движения вплоть до создания НКТ⁴⁶. Далее прослеживалось развитие НКТ до начала Гражданской войны⁴⁷.

Однако главное внимание в докладе НКТ было уделено объяснению и защите политики, которой следовали испанские анархисты во время Гражданской войны. Утверждалось, что в дни военного мятежа 18–19 июля «во всей свободной Испании НКТ проявила такой дух и

опыт борьбы, к которым не могли приблизиться остальные антифашистские секторы. Без самопожертвования НКТ фашизм одержал бы полную победу в течение семидесяти двух часов по всей национальной территории. Там, где мятежники победили, это произошло потому, что НКТ осталась в одиночестве, и потому, что провинциальные и муниципальные власти и полицейские силы правительства либо заняли пассивную позицию, либо открыто перешли к мятежникам. Никто, кроме наших людей, не вышел на улицы, чтобы сражаться с армией, которая три года обучалась тактике государственного переворота...»48

Далее доклад НКТ описывал ситуацию, возникшую сразу после подавления первоначального мятежа в половине страны:

“ «В Каталонии НКТ была бесспорным хозяином региона. Фабрики, торговля, банковское дело, жильё, оружие, общественный порядок – всё было под её контролем. Она организовала колонны, которые открыли фронт в Арагоне, освободив половину Арагонского региона и заняв позиции в нескольких километрах от Сарагосы. Но НКТ, верная своим идеалам и своей чисто анархической природе, не нападала на учреждения государства и не пыталась открыто проникнуть в них или подчинить себе. Президент Хенералидада оставался на своём посту, и ни один из политических или юридических институтов не был упразднён. НКТ проявила вдумчивую сознательность, находясь перед непростым выбором: либо полностью разрушить государство в Каталонии, объявить войну мятежникам, правительству, иностранному капиталу и, таким образом, установить полный контроль над каталонским обществом; либо разделить ответственность за правительство с другими антифашистскими фракциями. В Леванте произошло нечто подобное, хотя здесь и не было такой исключительно сэнэтистской тенденции. В значительной части свободной Андалусии НКТ также была преобладающим элементом. В Гипускоа, Сантандере и Астурии была значительная масса бойцов, компетентность которых в совместных военных действиях никем не может оспариваться»49.

Доклад объяснял, почему анархисты решили сотрудничать, вместо того чтобы навязывать свою волю остальной Республике.

По поводу Каталонии говорилось:

“ «Мы были настолько грозной организованной силой и имели в своих руках такую полноту власти, что если бы мы пожелали, то мы могли бы установить анархический тоталитарный режим простым мановением пальца, но мы знали, что революция, находящаяся исключительно в наших руках, истощила бы свои силы и что за границей анархисты не предоставили бы нам необходимую помощь – и мы не могли ожидать подобной помощи. Мы, следовательно, столкнулись с выбором: либо самоубийство анархического движения, смерть революции и поражение в войне, либо разделение ответственности за революцию и войну с другими антифашистскими

секторами, более умеренными, что означало создание правительства»⁵⁰.

Доклад отмечал слабость анархистов в силу первоначального триумфа мятежников в ключевых пунктах:

“ «С политической, географической и военной точек зрения анархическое движение 19 июля понесло три важнейших потери, которые своей тяжестью давили на вопрос о значимости нашей роли. Севилья, фактическая столица Андалусии, пала перед фашизмом; Сарагоса, служившая столицей анархистов и НКТ и воротами на Север, также пала. Подобно им, была завоёвана и Галисия, и хотя её важность не кажется выдающейся, она имела значение как плацдарм для удушения Астурии и Севера. Если мы посмотрим на карту Испании, то мы увидим, насколько бы отличались условия борьбы против фашизма, если бы анархические и сэнэтистские регионы, такие как Андалусия, Арагон и Галисия, не уступили врагу. Мы сможем увидеть, что тогда было бы не так легко перебросить войска из Марокко; патронные и пороховые заводы Севильи, Кордовы и Гранады находились бы в нашей власти...»⁵¹

“ «Перед нами была нерадостная картина. Было невозможно установить либертарный коммунизм, потому что большинство населения не понимало его, и при этом у нас не было в изобилии продуктов, необходимых для справедливого распределения богатства. Кроме того, необходимость сосуществования с другими секторами, приверженными буржуазному мышлению или крайне робким социалистическим идеям, заставляла нас быть осторожными в проведении своей программы, которая несла угрозу новой гражданской войны»⁵².

Доклад НКТ отвергал утверждение некоторых иностранных анархистов, что примирительное отношение испанских анархистов было результатом проникновения коммунистов в НКТ:

“ «Говорят, что внедрившиеся коммунисты определили линию, которой следует НКТ. Мы достаточно прозрачны в своих отчётах и можем сказать во всеуслышание, что все секции, все делегаты, присутствующие на конгрессе, должны понимать, что Коммунистическая партия не имеет никакого влияния в НКТ, и даже думать об этом было бы оскорблением, если бы это не было настолько нелепо... Если НКТ и испанский анархизм придерживались всем известной линии, то это объяснялось обстоятельствами, в которых они оказались, а не влиянием других групп.

Спокойный анализ обстановки и здравый смысл наших активистов, которые не перестали быть анархистами, заставили нас сделать то, что мы могли, а не то, чего мы должны были хотеть, или то, о чём мечтали иностранные

товарищи. Нам приходится работать в Испании, работать не с иллюзиями, теориями или рукописями, а с неприглядной и кровавой действительностью, которая определила, что мы сделали, и определит, что мы сможем продолжать делать. Поэтому отбросьте всякую мысль о том, что испанский анархизм и НКТ находились под влиянием теорий диктаторского марксизма. Мы делаем то, что мы можем. Но то, что мы сделали, является плодом твёрдых убеждений, пришедших в соприкосновение с атмосферой реальности»⁵³.

Доклад также защищал участие анархистов в правительствах различного уровня:

“ «Весь народ горячо желал, что НКТ временно оставила свою идеологическую позицию и участвовала в правительстве. Фактически во всех городах и провинциальных центрах НКТ являлась частью официальных органов, в комитетах Народного фронта, в комитетах антифашистской милиции... в старых муниципалитетах и провинциальных администрациях, в судах, в управлении тюрьмами, в полицейских участках, в борьбе. Это явление было стихийным, неконтролируемым, превосходящим всякие желания пуританской изоляции, которые мы до недавнего времени разделяли. Революционные действия масс НКТ не сдерживались ни сомнениями, ни более или менее теоретическими аргументами... Вопрос был в том, как победить фашизм, используя все возможные средства, и мы действовали с такой живостью ума и удивительной интуицией, которые поразили остальных антифашистов. Нам не оставалось ничего, кроме как открыто участвовать в правительстве, и это было необходимо, чтобы поднять мораль бойцов и усилить борьбу и надежды на победу. Именно так понимала ситуацию наша организация, а также испанский народ, который радостно приветствовал наше временное вхождение в государство»⁵⁴.

Наконец, испанские анархисты подчеркнули свою приверженность принципам международной солидарности. Они отметили, что двое португальских анархистов обратились в Национальный комитет НКТ в октябре 1936 г., а впоследствии несколько преследуемых португальских республиканцев заявили, что готовы сотрудничать с НКТ в подготовке восстания против режима Салазара, и НКТ оказала им экономическую помощь для этой цели. Представители Всеобщей конфедерации труда, подпольной португальской анархической профсоюзной группы, также попросили НКТ о поддержке, которую та согласилась предоставить⁵⁵.

НКТ также отмечала, с начала Гражданской войны она обещала всячески поддерживать борьбу за независимость Испанского Марокко, как во время Гражданской войны, так и в случае победы лоялистов. Все каталонские организации – НКТ, ФАИ, «Левые республиканцы Каталонии», «Каталонское действие», Союз рабасайрес, ОСПК, ВСТ, ПОУМ – согласились признать независимость Марокко после войны. Этот документ также был подписан двумя арабскими представителями. НКТ имела своих подпольщиков в Танжере и других марокканских городах⁵⁶.

Наконец, доклад НКТ жаловался на нападки иностранных анархистов. В нём отмечалось, что 16 августа 1937 г. Мариано Васкес направил секретарю МАТ протест против нападков на НКТ в иностранной анархической прессе и попросил остановить их. 15 октября Васкес снова написал секретарю, протестуя против статьи в «Синдикалистской борьбе», официальном органе французской секции МАТ – Революционно-синдикалистской всеобщей конфедерации труда, которая утверждала, что представители НКТ вели переговоры с диссидентскими коммунистическими партиями о создании нового Интернационала. В очередной раз Васкес попросил секретаря сделать что-нибудь, «чтобы прекратить подобную безответственность и недобросовестность». Доклад повторял требование, чтобы РСВКТ перестала нападать на НКТ, и говорил, что МАТ является дисциплинированной организацией, которая следует решениям большинства, и поэтому должна призвать РСВКТ к ответственности⁵⁷.

Дебаты на декабрьском конгрессе МАТ 1937 г. были весьма бурными. Тем не менее испанские анархисты добились многого из того, что они хотели. Одно из решений конгресса гласило:

“ «Предоставить НКТ свободу продолжать, в соответствии со своим планом и под собственной ответственностью, тот эксперимент, который сейчас идёт полным ходом. Как следствие этого решения, конгресс призывает все секции МАТ помогать НКТ в её миссии теми средствами, которые они считают наиболее подходящими для ситуации в их странах, чтобы обеспечить, так скоро, как только возможно, победу в антифашистской войне и победу Социальной Революции в Испании»⁵⁸.

Другая резолюция, согласно Дэвиду Портеру, «предписывала прекратить всякую критику политики НКТ-ФАИ в публично распространяемых публикациях движения. Это решение было принято, несмотря на очень острую критику позиции НКТ со стороны различных делегатов конгресса... В результате газеты, которые ранее были критично настроены, такие как “Синдикалистская борьба” (Le Combat Syndicaliste) и “Новая Испания” (Espagne Nouvelle), резко сменили свой тон. Кроме того... критики, такие как Волин, Шапиро и Прюдоммо, весь следующий год хранили молчание на публике...»⁵⁹

В 1938 г. прошёл ещё один конгресс МАТ, где были сделаны дальнейшие уступки испанцам. Конгресс внёс поправки в основные документы МАТ, признав за национальными секциями право использовать, не отказываясь от основных принципов и целей МАТ, тактику, которую они считают наилучшей в их специфической ситуации⁶⁰. В частности, «дополнительная статья» Декларации принципов МАТ гласила:

“ «Верная своим федералистским традициям, МАТ предоставляет своим секциям широкую автономию борьбы за наши конечные цели. Методы могут меняться, но сущность и конечные цели должны быть теми же»⁶¹.

Заключение

Трудности, с которыми испанские анархисты сталкивались во время Гражданской войны, в защите революции, своих организаций и самих себя от сталинистов и их союзников внутри Испании, усугублялись тем фактом, что они не могли опереться на поддержку влиятельной международной организации, какую оказывали коммунистам Коминтерн и СССР. Таким образом, они были лишены средств для того, чтобы, с одной стороны, распространять информацию о революции, которую они осуществляли на начальном этапе Гражданской войны; и с другой – чтобы предать гласности притеснения, которым они подвергались со стороны коммунистов, особенно после Майских дней 1937 г. В целом, они не получали практически никакой материальной помощи от своих иностранных товарищей.

Однако ещё более досадным, с точки зрения испанских анархистов, был тот факт, что они не могли рассчитывать даже на солидарную морально-политическую поддержку международного анархического движения (хотя и малочисленного). Почти с самого начала Гражданской войны испанские анархисты страдали от критики и даже обвинений со стороны иностранных анархистов, которые не могли простить им то, что они поступились либертарными принципами ради интересов войны.

Испанские анархисты были правы, указывая, что их критикам в международном движении никогда не приходилось применять свои принципы на практике, а тем более в таких обстоятельствах, когда они осуществляли революцию в разгар гражданской войны и должны были сотрудничать с другими политическими группами, сражавшимися на одной стороне с ними. Однако в более широком смысле полемика между испанскими анархистами и многими их иностранными критиками подчёркивала то затруднительное положение, в котором оказалась организация анархистов, в принципе выступавшая против самого понятия власти, но получившая эту власть вследствие непредвиденных обстоятельств.

Версия #1

Зверобой создал 11 мая 2025 16:26:59

Зверобой обновил 11 мая 2025 16:34:04